

ДВЕ ВСТРЕЧИ С ВС. ИВАНОВЫМ

НА ИРТЫШЕ

Три года спустя после окончания войны мы с Всеволодом Вячеславовичем Ивановым на протяжении десяти дней совершали турне вверх по Иртышу от Семипалатинска до Тополева Мыса на пароходе «Лобков». Всеволоду Вячеславовичу недавно перевалило за пятьдесят три, мне — за двадцать три. Он остановился в Семипалатинске проездом из Ташкента, где участвовал в конференции писателей Средней Азии. Никуда не заходя, едва ли не из вагона, Всеволод Иванов направился на проходивший в городе областной слет передовых животноводов, и там мы

с ним познакомились. Узнав, что в Семипалатинске есть начинающие поэты и прозаики, писатель тут же, в перерыве между заседаниями, предложил нам принести ему в гостиницу наши рукописи. На другой день мы собрали свои рассказы и стихотворения и вручили Всеволоду Иванову. А еще через день он пригласил нас к себе в номер гостиницы. Из прозаических произведений автор «Бронепоезда 14—69» обратил внимание на мои короткие рассказы...

А потом Всеволод Вячеславович пригласил меня в совместную поездку по Иртышу. Одновременно редакция областной газеты поручила мне собрать материал для очерка о речниках.

Мы стоим на палубе. Беседуем.

— Как писать очерк? — говорит он. — Самое трудное — начало. Начните с описания чувств — это удачно.

Для меня эти слова новы. Все в стоящем рядом со мною у поручней плотном крепком человеке с округлым лукавым лицом кажется необычным. Потому-то в голову приходят слова Горация (еще свежи в памяти экзамены по античной литературе на факультете журналистики): «Округа он весь без излучин, и фортуна не в силах его победить», и я произношу строфу античного поэта вслух.

Всеволод Вячеславович соглашается с Горацием, раздумчиво улыбаясь.

— Писатель — человек, взбирающийся на гору, — глядя куда-то вдаль, говорит он. — Трудно подняться. Еще труднее устоять на хребте.

Всеволод Вячеславович, поглядывая на меня, усмехается, одобрительно похлопывает меня по плечу. Его теплое, внимательное отношение ко мне, начинающему журналисту, вызывалось, конечно, и тем, что я бывший фронтовик, освобождал Донбасс от немецко-фашистских захватчиков в составе 5-й ударной армии под командованием генерала В. Д. Цветаева — героя гражданской войны, хорошо знакомого Вс. Иванову и любимого им все-

начальника. За приветливостью, обходительностью Всеволода Вячеславовича со мной, с командой парохода и всеми встреченными нами людьми проглядывали присутствующие ему глубокая человечность, доброта, щедро излучаемая всем его существом. Устойчивое гуманное свойство духа являлось, пожалуй, главной чертой писателя. В моей памяти облик Вс. Иванова встает необыкновенно ярко. И мне кажется, что этим образом неуловимо окрашены и все картины путешествия по Иртышу.

Зеленая вода представляется неподвижной. Зеленое поле с густой травой тянется по берегу. Дальше в синюющем мареве — горы Алтая. У основания хребта белесая дымка тумана, сквозь которую маячат синевато-малахитовые склоны, а над ними прозрачная голубизна воздуха, подсвеченного опустившимся солнцем. Кое-где грядутся над полями свинцово-сизые облака с белыми окоемами.

Мы то сидим на скамье в штурманской рубке, рядом с лоцманом, то прогуливаемся по палубе, отыскивая место для наблюдения.

Капитан — молчаливый, высокого роста человек в синем кителе — плавает по Иртышу не особенно давно. Он немного флегматичен. Оживает только при рассказе о частых бурях на Иртыше. В предыдущем рейсе ненастье застигло пароход на озере Зайсан. С утра дул яростный ветер. Заливало. Но судно крепко задраили, и все окончилось благополучно. Всеволод Вячеславович слушает капитана внешне спокойно, к месту произнесенными словами поддерживает беседу. Но я понимаю, что рассказ его волнует. Он впитывает в себя все, что говорит капитан... После рассказа о буре капитан охотно знакомит нас с особенностями своей работы, с пароходом, построенным Боткинским заводом в 1910 году. Имя «Лобков» дано в честь молодого большевика, вожака омских рабочих, погибшего от рук белогвардейцев. Наш штурман, как зовут капитанов на Иртыше, тоже фронтовик, он командовал

отделением минометной роты, ранен в обе руки из 2-ом Украинском фронте.

Команда «Лобкова» — крепко сколоченный коллектив. Одеты все примечательно. На каждом широкие холщовые шаровары, надвинутые на самые глаза кепки и слегка рваные местами рубахи.

— Для шику, — замечает Всеволод Вячеславович, когда мы с ним обмениваемся наблюдениями.

Утром картина другая.

Солнце еще низко, вода темно-серебристая, берега желтые, пустынные. Поросшие кустарником острова. Прямо на носу синюют горы, ближе к нам — желтоватая россыпь и совсем рядом, у берега, вдоль которого идет по протоке «Лобков», нежно-зеленая поросль осоки. Просвечивает Иртыш, огибающий длинный выступ мели. Белая пелена летящих облаков. Кружат чайки. Тишина. Величественное спокойствие природы.

Едва только пароход пристает к берегу, матросы принимаются за разгрузку. Все свободные члены команды таскают мешки. В самый разгар разгрузки сверху спускается «Киров» — судно, с командой которого соревнуется экипаж нашего «Лобкова». Работа закипает с утроенной энергией.

Еще на подходе к остановке матрос Аманбаев, повязанный красной косынкой, убеждал своих товарищей:

— На базар пойдемь — пароход не успеем разгрузить, а тогда план навигации не выполним, сорвем пятилетку.

— ...У нас пароход всегда идет впереди, — вдохновенно говорит он Всеволоду Вячеславовичу после того, как команда успешно справилась с погрузкой и судно продолжило рейс. — И по выполнению плана, и вообще...

В Усть-Каменогорске «Лобков» стояла дольше, чем на других пристанях. Мы полдня осматривали строительство гидроэлектростанции, взобрались на перемычку. Потом успели ознакомиться со старинной крепостью, от которой сохранился кирпичный форт.

Вокруг простирались изумрудно-зеленые пойменные дуга.

— Поставить бы здесь шалаши и жить!— воскликнул Всеволод Вячеславович, с восхищением окидывая взором окрестность.— Вы согласились бы?

Я не ждал такого вопроса, никогда не думал о подобной возможности...

— Не раздумывайте,— прервал он мое молчание.— Это невозможно... Конечно, хорошо жить на лоне природы, но в наш век человеку мало общения с природой. Оказавшись хотя бы на год в одиночестве, оторвавшись от близких, от общественной жизни, человек теряет самого себя. Чтобы жить, творить, человеку нужно общество, общение с себе подобным.

Представил Вс. Иванову мою ровесницу Нину — в недавнем прошлом снайпера на 2-ом Белорусском фронте. Мы знакомы еще со школьных лет и случайно встретились теперь. У нее ясное лицо, чистые голубые глаза. Глядя на серебриющиеся волны, Нина вспомнила Польшу, реку Нарев, где ее тяжело ранило. Она сибирячка, родом откуда-то из-под Бийска, но училась в Алма-Ате. Во время войны окончила Высшую снайперскую школу, а сейчас работает лаборанткой на бактериологической станции, хочет стать врачом. О собственных боевых делах Нина, как истинный солдат, говорила скупо. Зато любовь дышала в ее словах о фронтовых подругах. Она рассказала, как комсорг взвода девушек Зоя пробиралась на исходные позиции и вдруг увидела фашистского снайпера, который полз по нейтральной полосе. Расстояние между ними не превышало тридцати шагов. Они замерли. Немец не выдержал и выстрелил первым, однако промазал. Зоя притворилась убитой и долго лежала неподвижно. Потом, едва лишь гитлеровец начал отползать, она застрелила его.

Всеволод Вячеславович, возвратясь в каюту, сказал в раздумье:

— Мало мы пишем о таких, как Зоя с Ниной! Мало, да и недостаточно хорошо. Ведь в том, как вели себя на войне такие вот девушки с девяти- или десятиклассным образованием, — проявление душевной чистоты, нравственной силы и настоящий пламенный советский патриотизм! — Обычно очень уравновешенный, сдержанный в оценке поступков и образа мыслей людей, сейчас он не скрывал своего волнения.

Когда пароход проплыл мимо видневшихся в отдалении отрогов Нарымского хребта, мы облокотились на поручни возле мачты с лениво полощущимся красно-белым вымпелом с буквами ВИУРП (Верхне-Иртышское управление речного пароходства). Говорили о творчестве Всеволода Вячеславовича. Я спросил у него, что означает клетка с канарейкой, о которой упоминается в пьесе «Бронепоезд 14—69». Писатель помолчал немного и ответил, что канарейка в клетке — это обычная принадлежность мещанского быта тех лет, символизирующая покой и благополучие, жизненный идеал обывателя.

Я привел параллель из прочитанной не очень давно книги Бульвера Литтона о нравах английской буржуазии прошлого столетия. Вс. Иванов рассмеялся.

— А вы и «Кинельм Чиллингви» читали! — воскликнул он. — Довольно редкая книга. Где вам удалось ее найти?

— У сокурсника по факультету журналистики, — пояснил я.

Мы заговорили об английской литературе, о связях русской культуры с европейской и византийской культурой, причем Всеволод Вячеславович говорил о совершенной необходимости для писателей нашей страны знания иностранных языков, углубленного изучения литератур различных народов и национальностей. Само собой, речь велась прежде всего о молодых писателях. Сам писатель высказывал исключительно глубокие суждения по истории мировой литературы и вообще искусства. У меня вырвалось:

— Как вы можете обо всем знать?

— Профессия,— последовал краткий ответ.

И совсем уж нехотая спросил я Всеволода Вячеславовича:

— Говорят, сейчас у вас творческий кризис. Это правда?

— Писатель всегда в творческом кризисе,— весело отозвался он.

Универсальность интересов Всеволода Вячеславовича бросалась в глаза всем сталкивавшимся с ним людям. Его отличало поразительно детальное знание многих сторон нашей действительности, истории России, прикладного искусства, горного дела, сельского хозяйства, географии и т. д. Умственный кругозор этого человека отличался широтой и своеобразием.

Долго, пока на пароходе вместе с нами находились артисты, сехавшие на гастроли куда-то в глухой уголок Прииртышья, Всеволод Вячеславович любознательно, с интересом наблюдал за ними со стороны. Разумеется, он познакомился с ними, профессионально переговорил об их работе и все-таки больше смотрел на них издали, как бы невзначай, чуть улыбочиво, с дружеской прямоотой во взгляде.

А берег бежал и бежал...

Во время чаепитий в прохладной каюте мой спутник воодушевленно делился со мной мечтой о завершающей, по его словам, книге. Он был уверен, что напишет ее, и пока обдумывал, подбирал материал; по его замыслу книгу должен был определять обобщенный образ революционного поэта.

— В нем будут черты и Маяковского, и Есенина, и других советских поэтов,— размышляя вслух Вс. Иванов, нацеливаясь смеющимися светлыми глазами в даль противоположного берега.

Мимо нас проплыл пароход с надписью на белом борту: «Владимир Маяковский».

— Вот где встретились, — вполголоса сказал писатель, раздвигая занавеску на иллюминаторе.

— Ни один из поэтов или прозаиков, — прибавил он с каким-то особенным, мечтательным выражением, — не стал тем художником слова, каким хотел бы стать в своих чаяниях. Даже Горький... Герой моего романа «Поэт» в конце концов должен стать таким, каким желал бы сделаться в своих самых смелых помыслах.

В АЛМА-АТЕ

Возвратившись домой из астрофизической обсерватории в горах Заилийского Алатау (очерк об этой поездке «В глубину мироздания» был опубликован в журнале «Адабиет жане искусство» в 1953 году), я обнаружил на крыльце записку. Развернув сложенный вчетверо лист плотной бумаги, прочел следующее: «Заходил к Вам, но не застал дома. Остановился в гостинице «Дом делегата» в 16 номере. Жду Вас к себе завтра между 10 и 11 утра. Вс. Иванов».

Многое перечувствовал и передумал я, идя на другой день в гостиницу. Первое и самое сильное ощущение — радость при мысли, что большой писатель не забыл обо мне.

С Всеволодом Вячеславовичем Ивановым я познакомился за четыре года перед тем в Семипалатинске. Вот как описывает он эту встречу в документальной повести «Летом 1948 года...»:

«В номер к нам пришли два семипалатинских литератора-студента. «Какие хорошие, свежие и ясные ребята», — думаю я, глядя на них. Один — нежный, тонкий, с прелестными влажными глазами, пишет и глубокомысленно и грустно, чуть напоминая Блока. Другой — высокий, плечистый, с тщательно приглаженной белокурой конной

волос — привержен ритмически Некрасову». (Альманах «Год тридцать второй...», с. 75).

Так началось наше знакомство.

Похвалив мои первые рассказы, Вс. Иванов дал мне рекомендацию для поступления на следующий, 1948-49 учебный год в Литературный институт имени А. М. Горького. Однако студентом меня принять туда не могли, так как я уже окончил университет — вновь делаться студентом просто не имело смысла, а учиться в аспирантуре не позволяло состояние моего здоровья.

Окончив в сорок втором году десять классов, я поступил в военное училище. Через шесть месяцев окончил его. Попал на Южный фронт. Был командиром взвода управления артиллерийской батареи. И... не довоевал. С этим чувством незавершенности в сердце я очнулся после ранения, с этим чувством учился затем на факультете журналистики, писал корреспонденции и статьи для газеты во время студенческой практики. Чувство недосказанности, недовольства собой, наверное, и побудило меня сочинить свои первые короткие рассказы, одобренные Всеволодом Вячеславовичем в 1948 году.

— Казалось бы, только вчера плыли мы с вами вверх по Иртышу на пароходе «Лобков», — произнес Иванов, трясая мою руку. — А ведь с тех пор миновало четыре года! Много изменений...

Всеволод Вячеславович сидел перед окном и улыбался, как мог делать это лишь он — спокойно и вместе с тем очень весело. У него был не особенно густой загар на круглом лице.

После взаимных приветствий и обычных вопросов при встрече писатель сказал, что ему удалось наконец завершить работу над пьесой «Ломоносов», принятой к постановке Художественным театром. А сюда, в Казахстан, он приехал, чтобы написать очерк для «Известий».

— На какую тему? — спросил я.

— К сожалению, мой выбор ограничен... — Всеволод

Вячеславович рассмеялся, слетка развел руками.— Театр в любое время может потребовать моего присутствия на репетициях. Я и теперь освободился с трудом. О табунщике, перегоняющем откормленные стада на Семипалатинский комбинат — помните, как мы строили с вами планы? — о табунщике написать мне сейчас не удастся. Для этого нужно сопровождать его с начала и до конца, запомнить весь путь, проследить множество разнообразных встреч с людьми, пейзаж окружающих мест. Тогда можно создать не только очерк, а большую повесть. Нет, такой возможности в данный момент у меня не имеется. Я, по-видимому, просто выеду куда-нибудь неподалеку в горы и напишу. Или вот у вас здесь есть керамический завод, искусные мастера — тоже тема...

Мы вышли из гостиницы и не спеша направились по улице.

Всеволод Иванов говорил со мной с душевной открытостью. Мое же отношение к нему не нуждалось в многословных разъяснениях.

Всеволода Вячеславовича привлекла тема моего очерка об ученых-астрофизиках института Академии наук Казахской ССР, возглавляемого академиком В. Г. Фесенковым. Слушая мой рассказ об открытии — с помощью современного менискового телескопа — новых явлений в звездном мире, Вс. Иванов припомнил о посланных ему книжках альманаха «Казахстан» с двумя моими очерками на тему борьбы механизаторов-комсомольцев с засухой и о создании лесной полезащитной полосы вдоль берегов Урала. Он заметил, что неплохо бы мне собрать очерки и объединить их какой-нибудь завязкой: будет цельная книга, дающая представление об определенном периоде жизни республики.

Я невольно обратил внимание на то, как взор моего маститого спутника задерживался то на лице человека, то на каком-нибудь старом доме причудливой архитектуры, то на облаке.

— А ведь вы ничего не упускаете из вида, Всеволод Вячеславович,— сказал я.

Он добродушно усмехнулся.

— То же самое делаете вы, только не замечаете. Наблюдения не самое важное для литературного творчества.— Лицо Вс. Иванова приобрело слегка лукавое выражение, свойственное, как я убедился со временем, много поработавшим и много повидавшим жизнерадам.— У меня наблюдений на сто романов. Главное — сам творческий процесс, обдумывание темы. Досуг, а не нехватка времени губит иногда писателя. В молодости пишется сразу, а в наши годы — много нужно условий для этого!..

Так, беседуя, мы очутились на улице Максима Горького, купили в промтоварном магазине термосы для заваривания кок-чая — зеленого чая, любимого напитка Всеволода Вячеславовича, а попутно выбрали в торговом ряду арбуз, опустив его в сетку и взявшись за концы с обеих сторон. Нести арбуз таким образом, однако, было нелегко. Через несколько шагов автор «Бронепоезда 14—69» рассмеялся, переложил увесистый арбуз на свою широкую ладонь и понес его один.

Мы вернулись в гостиницу в самое жаркое время дня..

Арбуз, разрезанный Вс. Ивановым, пуццово блеснул на блюде. Повеяло прохладой.

— Значит, вы сочинили пьесу? — он протянул мне долю арбуза.

— Сочинил... (Нужно сказать, что утром я пришел сюда с черновиком своей рукописи).

Прежде чем сесть за чтение моей рукописи, Всеволод Вячеславович вручил мне экземпляр созданной им исторической драмы «Ломоносов», — что называется, для взаимного обмена мнениями — и проводил меня через всю гостиницу до лестницы.

Я шагал по сумеречным улицам и думал о светлом закате прожитого дня, о мудром человеке, с улыбкой смот-

рящем на мир, одним из основателей советской литературы.

На следующий день в условленное время я постучал в дверь шестнадцатого номера.

— Входите, — нетромяк донеслось из комнаты.

Вс. Иванов сидел за столом. Перед ним стоял купленный вчера термос.

— Такая жара, просто невозможно дышать!.. — Его рука тронула кнопку — зажужжала вентилятор. — Не хотите отвесить настоящего кок-чая? Превосходно утоляет жажду...

Я принял от него стакан чаю в подстаканнике, но пить не стал. Вопросительно поглядывая на Вс. Иванова, ждал, что он скажет о моей пьесе. А он не спешил — помешивал ложкой у себя в стакане. Слышалось лишь тонкое позвякивание металла о стекло.

— Актуальная вещь, написана просто, мягко, — наконец неторопливо сказал Всеволод Вячеславович. — Симпатично главное действующее лицо. Кроме того, пьеса современна... Герой вашего произведения, молодой журналист, приезжает после университета на работу в незнакомый город. К молодому фельетонисту окружающие, во всяком случае многие из них, относятся вначале с неприязнью и холодком, а в конце пьесы — с уважением и симпатией. Это когда он своим принципиальным последовательным поведением добивается успеха в деле: разоблачает одного бездушного чиновника — лакировщика действительности. В местном театре происходит большая перемена, сдвиг к лучшему — тогда и артисты уже горой стоят за главного героя. Один из актеров, попав в Москву, рассказывает в редакции газеты «Правда» об увольнении вашего героя за критический фельетон.

Мне осталось лишь поблагодарить драматурга за творческий пересказ моего произведения.

— У вас Согров хорош, — прибавил Всеволод Вячеславович немного погодя. — Сам участник Великой Отечест-

венной войны, он понимает, что бороться с косностью и бюрократизмом, по существу, не легче, чем даже победить на войне. И он, разумеется, прав! На фронте противник лицом к лицу с тобой. Требуются прямые действия, ну, конечно, боеприпасы, оружие — вся мощь страны. А победждать пережитки старого в умах окружающих куда сложнее, нежели брать верх над врагом на поле боя. В искоренении таких пережитков автомат тебе не поможет, их и пушкой не прошибешь. Тут нужна работа и работа, борьба и борьба. Великая Отечественная война продолжалась четыре года, а с косностью и глупостью мы боремся со времен гражданской войны и долго еще будем бороться.

Через два месяца после перепечатки пьесы и отсылки ее Вс. Иванову в Москву, пришла телеграмма¹:

«Пьеса вышла тжк несколько скомкан концец по это дело поправимое. Передал театр Завадского. С интересом будем ждать ответа. Привет! Вс. Иванов».

А еще через шесть месяцев Всеволод Вячеславович сообщил в письме:

«Ваша пьеса «Выпускник университета» по-прежнему кажется мне хорошей пьесой, имеющей все права на постановку.

Беда в другом.

Беда в том, что я не располагаю возможностями ни для такой постановки, ни для печатанья.

...На днях я получу эту пьесу, обратно и постараюсь передать ее в другой театр...»

И еще четыре месяца спустя Всеволодом Вячеславовичем выразилось сожаление о том, что «пьеса не двигается и тем теряет свою актуальность».

К сожалению, пьеса моя «Выпускник университета» не увидела сцены в свое время. Впоследствии проблемы,

---

¹ Подлинники писем и телеграмм хранятся в архиве автора данной книги.

затрагиваемые в ней, перестали занимать литературу и общество в той степени, как это было в период создания пьесы.

«Но все-таки не унывайте, — ободрял меня Вс. Иванов в одном из своих писем ко мне. — Занятие драматургией дело щекотливое и не очень верное.

Трудитесь, пишите и не особенно обижайтесь, что я не регулярно Вам отвечаю...

Думая об Алма-Ате, вспоминаю Вашу улицу, в прошлом году сильно изрытую канавами, заросший Ваш дворик, собаку и соседа-плотника с его стружками, которые летели к крыльцу...

Поклонитесь от меня снежным горам! В. И.»

Однажды в разговоре с Вс. Ивановым по междугородному телефону я упомянул о своих очерках, объединенных общей завязкой.

«Очерки Ваши, извините, сейчас вряд ли можно будет напечатать, — ответил мне Всеволод Вячеславович в письме от 22 марта 1954 года. — От Казахстана ждут — о целинных землях, все остальное отходит на задний план».

Вскоре я выехал в Северное Прииртышье — для работы в газете.